

Топка Лариса Владимировна

ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ

В статье рассматривается проблема исследования стереотипизации способов языкового выражения гендерно обусловленного речевого поведения. В ней также затрагивается феномен андрогинного поведения, который коррелирует со статусно-ролевыми параметрами участников коммуникативного взаимодействия, предоставляя им преимущество при выборе образа действий для овладения б?льшим спектром исполняемых ими социальных ролей.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2015/10-2/43.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 10 (52): в 2-х ч. Ч. II. С. 158-162. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2015/10-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 81'1

Филологические науки

В статье рассматривается проблема исследования стереотипизации способов языкового выражения гендерно обусловленного речевого поведения. В ней также затрагивается феномен андрогинного поведения, который коррелирует со статусно-ролевыми параметрами участников коммуникативного взаимодействия, предоставляя им преимущество при выборе образа действий для овладения большим спектром исполняемых ими социальных ролей.

Ключевые слова и фразы: гендер; стереотипизация; андрогинность; категоричность; некатегоричность; речевое поведение.

Топка Лариса Владимировна, к. филол. н., доцент
*Евразийский лингвистический институт (филиал)
Московского государственного лингвистического университета
Московский государственный лингвистический университет в г. Иркутске
lavtop@list.ru*

ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ©

Гендерная маркированность участников коммуникативного взаимодействия и ее корреляция с реализацией статусно-ролевых отношений в рамках различных речеповеденческих ситуаций представляет определенный исследовательский интерес.

Социальная идентичность участников общения оказывает непосредственное воздействие на процесс коммуникации. Гендер как один из параметров социальной идентичности неразрывно связан с другими характеристиками индивидуума, такими как статус, социальная группа, уровень образования, а также постоянно меняющаяся ситуация в обществе (см. подробнее: [9]). Как правило, участники общения различаются по признакам «свой / чужой» и «выше / ниже» в социальной иерархии (в терминах В. И. Карасика – нисходящий или восходящий статусный вектор [6, с. 84]) и обладают определённым набором социализированных параметров общения, включающих как языковые нормы, так и правила социального взаимодействия.

Гендер как совокупность социальных и культурных норм, которые общество предписывает выполнять индивидам в зависимости от их биологического пола «был призван подчеркнуть не природную, а социокультурную причину межполовых различий» [7, с. 8]. Из этого следует, что не биологический пол, а социокультурные нормы определяют, в конечном счете, как психологические атрибуты модели поведения, так и виды деятельности мужчин и женщин. Быть в обществе мужчиной или женщиной означает не просто обладать теми или иными анатомическими особенностями – это означает выполнять те или иные предписанные социумом гендерные роли (см. подробнее: [4]).

На гендерном уровне активно реализуются когнитивные процессы стереотипизации. Гендерные стереотипы – «социально конструируемые категории “маскулинность” и “фемининность”, которые подтверждаются различным в зависимости от пола поведением, различным распределением мужчин и женщин внутри социальных ролей и статусов, и которые поддерживаются психологическими потребностями человека вести себя в социально одобряемой манере и ощущать свою целостность и непротиворечивость» [11], содержат в себе предположения о различных культурно- и социально обусловленных признаках и нормах поведения представителей обоих полов. Гендерная дифференциация речи говорящего субъекта определяется совокупностью биологического, психологического и социального факторов, поскольку «... в языковой действительности имеются факты физического, психического и социального порядка» [10, с. 182]. Стабильность данного рода стереотипов детерминируется их фиксацией на всех уровнях языка.

Степень их влияния на речевое поведение участников коммуникации достаточно высока, так как они (стереотипы) в определенной степени являются поведенческой программой, которая либо выполняется, либо не выполняется, вызывая соответствующую оценку социума, где тождественность стереотипу или одобряется, или принимается как норма, а несоответствие – осуждается.

Стереотипы речевого поведения как определенные оценочные образы функционируют в языковом сознании социума, социальных групп или отдельно взятых индивидов. Являясь социальными поведенческими моделями, они детерминируют речевое поведение человека в определенных ситуациях (см. подробнее: [3]).

Существует предположение о том, что фемининное речевое поведение в потенциально конфликтных и непосредственно конфликтных ситуациях коммуникативного взаимодействия, в отличие от маскулинного, будет менее категоричным, поскольку женщинам в целом присущи речевые тактики, направленные на поддержание отношений кооперации с собеседником. Вопрос о том, являются ли эти пресуппозиции релевантными для большинства культур, обобщенно названными западными, или каждая культура обладает оригинальным набором гендерных стереотипов и нуждается в детальном рассмотрении. Способы языкового выражения гендерного речевого поведения носителей американского варианта современного английского языка,

обусловленные корреляцией пола участников коммуникации с их статусно-ролевыми параметрами могут представлять определенный исследовательский интерес, вызванный рядом объективных причин.

Гендерные стереотипы, характерные для патриархальных и постпатриархальных культур, к которым следует отнести и американскую культуру, отражают и сохраняют главенствующую роль мужчины в обществе, где речевое поведение участников коммуникации строго регламентировано и определено их социальным статусом, что является первоочередным фактором в объяснении причин возникновения новых тенденций в реализации речевого поведения мужчин и женщин в контексте американского варианта английского языка.

В отличие от представителей британской нации, для которых характерным этноспецифическим феноменом является некатегоричность (см., например: [14; 16]), представители американской нации, сформировавшейся в более поздний исторический период и в совершенно иных условиях, реализуют в своём речевом поведении категоричные речеповеденческие тактики. Особенно явно это прослеживается в потенциально конфликтных ситуациях требования, упрека, обвинения, запрещения, угрозы или иронии, запускающих механизм коммуникативного противостояния, открытого конфликта, зачастую получающего реализацию в речеповеденческой ситуации «Заставить собеседника замолчать» или, в её английском варианте «Shut up! situation».

Данная ситуация является конфликтной, поскольку сопряжена с реализацией категории категоричности – тактическим приёмом, который «используется коммуникантами для достижения определённой цели воздействия, оказывая влияния на характер их взаимоотношений, создавая напряжённую атмосферу общения, а иногда и острую конфликтную ситуацию. <...> Категоричность возникает в коммуникации и реализуется на всех уровнях языковой системы. Средством её текстовой репрезентации служит категоричное высказывание» [13, с. 106].

Ситуация «Заставить собеседника замолчать / Shut up! situation» в современном английском языке репрезентируется такими языковыми единицами, как: «*bite your tongue*» / прикуси язык; «*hush*» / тихо; «*stop talking*» / перестаньте разговаривать; «*be quite*» / тише. Носители американского варианта английского языка предпочитают использовать более категоричные языковые средства, самыми частотными из которых, как показал анализ фактического материала, являются словосочетания с глаголом «shut»: «*shut the fuck up*» / заткнись (заглохни); «*shut your face*» / закрой рот; «*shut your pee hole*» / закрой хлебало (пасть), представляющие собой примеры сниженной или табуированной лексики (*здесь и далее перевод автора, примеры автора – Л. Т.*).

Данная ситуация, как правило, возникает при коммуникативном взаимодействии с восходящим статусным вектором как ответная реакция на категоричное речевое поведение, включающее высказывания безапелляционного характера, выражающие, например, иронию, требование или запрещение:

«...*Don't give up the ship. I have not yet begun to fight. Retreat? Hell, we just got here. When, in disgrace with fortune and men's eyes I-*» [20]. / «...Не бросайте корабль. Я даже еще не начал сражаться. Отступление? Черта с два, мы только что пришли. Когда судьба немилосердна и в глазах людей я-»;

«*Shut up!*», – *I screamed.* – «*Just shut the fuck up and leave me alone! Don't say another word to me. Nothing. Do not speak to me again. Ever*» [Ibidem]. / «Молчать!», – заорал я. – «Просто заткнитесь и оставьте меня в покое! Ни слова больше. Ничего. Не вздумайте со мной ещё раз заговорить. Никогда» (*здесь и далее перевод автора – Л. Т.*).

Женщинам также свойственно категоричное речевое поведение в ненормативной социальной ситуации коммуникативного взаимодействия при восходящем статусном векторе, однако ключевым моментом в данном случае является близкая психологическая дистанция между коммуникантами. Например, в ответ на ироничное высказывание говорящего субъекта, матери, не одобряющей свободные отношения её дочери с мужчиной: «*A man won't feed the fish he caught*» [25]. / «Человек не станет кормить пойманную им рыбу», адресат, её дочь, позволяет себе высказать категоричное требование замолчать: «*Shut up, Mom. I love him*» [Ibidem]. / «Замолчи, мам. Я люблю его».

Маскулинное речевое поведение традиционно считается более категоричным, поскольку отличается высокой эгоцентричностью и наличием тактик прямого воздействия на коммуникативного партнёра. В ситуации «Заставить собеседника замолчать / Shut up! situation» речевому поведению мужчин свойственно безапелляционное выражение своего мнения, а также повышенная категоричность высказывания с более широким диапазоном средств её языковой репрезентации.

Примером доминирующего речевого поведения, сопряжённого с реализацией речевой агрессии говорящего субъекта по отношению к адресату, считается угроза (см., например, [2]), одним из конститuentов семантического пространства которой является рассматриваемая нами ситуация. Явная угроза, выраженная категоричными языковыми средствами, характерна именно для маскулинного речевого поведения в коммуникативном взаимодействии при нисходящем статусном векторе, где говорящий субъект использует речевую агрессию для запугивания оппонента. «Требующий субъект обращается к адресату с целью побудить его к некоторому действию, убеждая, принуждая, угрожая или запрещая. Требование как побуждение к действию или запрещение говорящим какого-либо действия адресата может быть выражено как утвердительной, так и отрицательной формой, в последнем случае оно выражается через запрет – намерение говорящего лишить адресата права на какое-либо действие» [15, с. 164].

«В английском языке ситуация требования зачастую сопряжена с ситуацией приказа (приказа) в пространстве институционального дискурса и обусловлена юридическим правом говорящего на категоричные речевые действия (его статусом)» [Там же, с. 165]. Например:

«*I'm Sergeant Madigan, Vice, <...>, now shut the fuck up before I cut out your kneecaps and use 'em as ashtrays. Officer Donleavy, read him his rights*» [19]. / «Я Сержант Мэдиган, Вайс, <...> поэтому сейчас же

заткнись, пока я не вырезал твои коленные чашечки и не использовал их как пепельницы. Офицер Донливи, зачитайте ему его права».

Фемининное речевое поведение считается некатегоричным, поскольку включает тактики непрямого воздействия на собеседника и характеризуется выраженной адресностью. Требуя или запрещая что-либо, женщины стараются частично снизить категоричность высказывания посредством вопросительных конструкций, модальных глаголов и маркеров вежливости:

«*Will you just be quiet? <...> Do you ever stop? <...> Oh, for God's sake, just give it a rest!*» [22, p. 6-7]. / «Не могли бы вы просто помолчать? <...> Вы когда-нибудь замолчите? <...> О, ради Бога, перестаньте!».

Им также свойственно использование косвенной критики и иронии, а также большая эмоциональность при коммуникации, однако при условии нахождения на позиции власти их гендерное коммуникативное поведение приобретает признаки маскулинности:

«*Shut your face before it gets damaged, Beaume,*» – *she (Ellen) snapped* [21]. / «Заткнись, пока не получил, Боум», – отрезала она (Эллен).

Данный тип гендерного речевого поведения нельзя считать чисто мужским, а, скорее, андрогинным, что свидетельствует о стратегии ассимиляции в терминах социального психолога Генри Тайфеля [27].

Анализ языкового материала показывает устойчивую тенденцию к огрублению женской речи при оспаривании социального статуса мужчины, например в потенциально конфликтной ситуации упрека, зачастую инициирующей ситуацию «Заставить собеседника замолчать», где речевой интенцией говорящего субъекта является воздействие на эмоциональную сферу адресата с целью вызвать у него чувства вины или стыда: «*You stupid fool!*», – *Mrs. Macbean suddenly shouted in her husband's face. One pink roller shaken loose by her rage fell onto the carpet. – «I told you that safe was silly. But you had to go and do things on the cheap»* [17]. / «Ты тупой болван!», – Миссис Макбин внезапно прокричала в лицо своему мужу. Розовые бигуди, разболтавшиеся от приступа гнева, посыпались на ковер, – «Я говорила тебе, что идея с сейфом была глупой. Но ты всегда и всё пытаешься сделать по дешёвке».

Мужчина в ответ на упрек прерывает коммуникативное взаимодействие, заставляя женщину замолчать: «*Shut your face,*» – *growled Macbean,* – «*and go and do something to yourself. You look a right fright with them curlers in*» [Ibidem]. / «Закрой рот», – прорычал Макбин, – «Иди и сделай что-нибудь с собой. Выглядишь как страшилище с этими загогулинами на голове».

В ситуации открытого противостояния для женского дискурса характерна высокая степень категоричности: использование инвективной и табуированной лексики, что свидетельствует о нарушении гендерной коммуникативной нормы. В таких ситуациях женщины ведут себя эмоциональнее мужчин, используя косвенную критику, зачастую направленную не только на коммуникативного партнера, но и на связанных с ним третьих лиц:

«*Bitch, was anybody talkin to you?*» [26]. / «Сучка, с тобой кто-нибудь разговаривает?».

«*Who you callin a bitch?*», – *Juicy stops in her tracks and stands looking through the fence right at Shaheed* [Ibidem]. / «Ты кого назвал сучкой?», – Джуси остановилась как вкопанная, глядя через забор прямо на Шахида.

«*Ain't but one bitch standin here. Maybe two*» [Ibidem]. / «Одна сучка здесь точно есть. А может и две».

«*Nigga, where yo mamma? I don't see that one-tooth bitch*» [Ibidem]. / «Ниггер, где твоя мама? Что-то я не вижу здесь однозубой сучки».

«*What, you gon talk bout?*» [Ibidem]. / «Это ты о чём?».

«*Jus shut the fuck up!*», – *Juicy says. «Yo breath stank»* [Ibidem]. / «Просто заткнись!», – сказала Джуси. – «У тебя изо рта воняет».

В последнее время феномен андрогинности находит выражение в речевом поведении представительниц культур разных стран, например Франции, где была зафиксирована устойчивая тенденция к использованию француженками сниженной лексики для выражения своего эмоционального состояния или отношения к чему-либо, свидетельствующая об огрублении женской речи. По мнению исследователей-гендерологов, «использование сниженной лексики на страницах женских изданий способствует уменьшению гендерных различий в языке, и приводит к тому, что сниженные наименования закрепляются в языке, делая языковую норму менее строгой» [8, с. 100].

Это значит, что сниженная и табуированная лексика теряет статус безэквивалентного гендерного признака, характерного для представителей маскулинной гендерной группы.

Исследователи современного немецкого языка также указывают на «отсутствие резких, «непроходимых» границ между репликами неодобрения мужчин и женщин в немецком языке», отмечая, что обнаруженные различия «зависят как от гендера участников диалогического общения, так и от особенностей их психического склада, характера, профессии, статусно-ролевых характеристик, прагматической ситуации общения» [5, с. 72].

Нередко в маскулинной моногендерной коммуникации в ответ на ироничное высказывание коммуникативного партнера может также наблюдаться и менее категоричное речевое поведение, скорее характерное для женского дискурса:

«*Good way to do business. Let crazy customers call the shots*» [23, p. 17]. / «Хороший способ делать бизнес. Пусть сумасшедшие клиенты сами назначают встречи».

«*Be quiet and listen. It's about Delancey. We were having a nice meal*» [Ibidem]. / «Помолчи и послушай. Речь идет о Деланси. Мы славно пообедали».

Говоря словами австрийского философа и психолога, Отто Вейнингера, «в мире опыта нет ни мужчины, ни женщины, а есть только мужественное и женственное» [1, с. 18], что также релевантно и для речевого поведения.

В коммуникативном взаимодействии при восходящем статусном векторе даже в ненормативной социальной ситуации требование замолчать может быть спонтанным и мотивированным, например, апелляцией к чувству мужской солидарности:

Vice looked down at his thigh. There was blood, but he knew he wasn't hurt that badly. So he didn't look at the cut as an injury but as an opportunity. He quickly scurried onto all fours and started searching on the ground [26]. / Вайс взглянул на свое бедро. Там была кровь, но он знал, что ранение не опасное. Поэтому он посмотрел на рану не как на травму, а как на шанс. Быстро опустившись на четвереньки, начал что-то искать на земле.

«*What the hell are you doin'?*», – *Hughes asked* [Ibidem]. / «Какого черта ты делаешь?», – спросил Хьюз.

«*Shut up, brother, and help me find' em!*», – *Vice shouted back in mock anguish* [Ibidem]. / «Заткнись, брат, и помоги мне найти их!», – с притворным страданием прокричал в ответ Вайс.

«*Find what?*», – *Spano asked* [Ibidem]. / «Найти что?», – спросил Спано.

In his best Amos' n' Andy voice, Vice cried out, – «My balls, nigga! They gots to be round here somewhere!» [Ibidem]. / Своим лучшим Амос-и-Энди голосом Вайс прокричал, – «Мои яйца, ниггер! Они должны быть где-то здесь!».

В вышеприведённом примере требование замолчать представляет собой, создающее комический эффект, ироничное высказывание задержанного правонарушителя – афроамериканца, который при обращении к чернокожему полицейскому использует фамильярное обращение «brother» / брат, сокращая психологическую дистанцию до сверхкороткой, а также «nigga» / ниггер, что допускается между представителями лишь гомогенной этнической среды по отношению друг к другу даже в нормативной социальной ситуации, что совершенно не характерно для моногендерной фемининной коммуникации.

Следует отметить, что, в целом, гендерные стереотипы находят своё выражение в американском варианте английского языка, женщины чаще мужчин выбирают тактики кооперации, на долю мужчин, в свою очередь, приходится большая часть взаимодействия при нисходящем статусном векторе, что говорит об их большей агрессивности и желании доминировать в коммуникативном взаимодействии, особенно с коммуникативным партнером женщиной. Более того, в потенциально конфликтных ситуациях коммуникативного взаимодействия при нисходящем статусном векторе говорящий субъект, мужчина, более категоричен с адресатом женщиной, заставляя её замолчать, чем с адресатом мужчиной.

Несмотря на то, что анализ средств языковой репрезентации речеповеденческой ситуации «Заставить собеседника замолчать / Shut up! situation» обнаружил тенденцию к повышению категоричности фемининного речевого поведения, в целом оно оказалось менее категоричным, чем поведение мужчин, хотя и с выраженной тенденцией к андрогинному типу (см. подробнее: [12]).

Феномен так называемой психологической андрогинии [18], согласно которой фемининность и маскулинность не противопоставлены друг другу, а одновременно характеризуют индивида безотносительно его биологического пола, маркируется, в том числе и проявлением вербальной агрессии. «Андрогинность, на наш взгляд, не просто сочетание в одном индивидууме социально-психических качеств, характерных как для женщины, так и для мужчины, сближающее женский и мужской стандарты речевого и неречевого поведения, но также и характеристика самого поведения, не обладающего четкими гендерными параметрами» [12, с. 26]. Что соответствует выделенной антропологом Николь Мэтью парадигме «гетерогенности» (heterogeneity) [25], где пол и гендер в сущности различны, а половая разнovidность приобретает важность, когда по разным соображениям (политическим, экономическим, общественным) она становится основой для классификации людей и их распределения в определенной иерархии.

Очевидна корреляция гендерной маркированности коммуникантов с реализацией их статусно-ролевых отношений в процессе коммуникативного взаимодействия, осложнённого требованиями, предъявляемыми обществом к мужчине и женщине, а также спецификой их социализации, обуславливающей разные мотивы поведения, а также различные стратегии и тактики общения.

«Женщины применяют данную стратегию как попытку достичь равенства и перенять ценности большинства или группы с более высоким статусом (в данном случае – мужчин), употребляя табуированную лексику, используя напористую, самоуверенную манеру общения, что ведет, на наш взгляд к переоценке женщиной себя самой с точки зрения мужских ценностей и, следовательно, обесцениванию себя как женщины» [12, с. 26]. Вместе с тем андрогинное речевое поведение дает женщинам преимущество при выборе образа действий для овладения большим спектром исполняемых ими социальных ролей как в современном обществе вообще, так и в американском обществе в частности.

Список литературы

1. Вейнингер О. Пол и характер. М.: ТЕРРА, 1992. 480 с.
2. Воронцова Т. А. Речевая агрессия в коммуникативно-дискурсивной парадигме [Электронный ресурс] // ВЕСТНИК ВГУ. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2006. № 1. URL: <http://www.vestnik.vsu.ru/pdf/lingvo/2006/01/2006-01-13.pdf> (дата обращения: 07.05.2015).
3. Гаранович М. В. Вариативность гендерных стереотипов в зависимости от социальных параметров говорящих: автореф. дисс. ... к. филол. н. Пермь, 2011. 24 с.

4. **Гендер** [Электронный ресурс] // Новейший философский словарь. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_new_philosophy/309/ГЕНДЕР (дата обращения: 08.01.2015).
5. **Джандалиева Е. Ю.** Гендерная специфика неодобренных высказываний на материале немецкого языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 2 (9). С. 69-73.
6. **Карасик В. И.** Язык социального статуса. М.: ИТДГК «Гнозис», 2002. 333 с.
7. **Кирилина А. В.** Гендерные исследования в лингвистических дисциплинах // Гендер и язык / Московский гос. лингвистический ун-т. Лаборатория гендерных исследований. М.: Языки славянской культуры, 2005. С. 7-30.
8. **Купина Н. И.** Эмоционально-окрашенная сниженная лексика как фактор реализации тенденции к огрублению женской речи на страницах прессы // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 2 (9). С. 98-101.
9. **Надобко Ю. В.** К вопросу о проявлении гендерности в мужском и женском речевом поведении // *Lingua Mobilis*. 2010. № 21. С. 65-70.
10. **Поливанов Е. Д.** Статьи по общему языкознанию. М.: Наука, 1968. 376 с.
11. **Рябова Т. Б.** Стереотипы и стереотипизация как проблема гендерных исследований [Электронный ресурс]. URL: <http://cens.ivanovo.ac.ru/publications/tiablova-stereotipy.htm> (дата обращения: 10.02.2015).
12. **Топка Л. В.** Гендерная обусловленность категоричного речевого поведения // *The Theory and Practice of Gender Studies in World Science: Materials of the IV International Scientific Conference (May 5-6, 2015)*. Prague: Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», 2015. С. 21-27.
13. **Топка Л. В.** Категоричное речевое поведение: универсальные и этноспецифические средства репрезентации // Практика коммуникативного поведения в социально-гуманитарных исследованиях: материалы IV международной научно-практической конференции 1-2 декабря 2013 года. Прага: Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», 2013. С. 106-112.
14. **Топка Л. В.** Прагма-семантическая категория некатегоричности в современном английском языке: автореф. дисс. ... к. филол. н. Иркутск, 2000. 21 с.
15. **Топка Л. В.** Прагма-семантические конститутенты ситуации «Требование» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 8 (38): в 2-х ч. Ч. 2. С. 162-166.
16. **Ball W. J.** Understatement and Overstatement in English // *English Language Teaching*. 1970. Vol. 24. No. 3. P. 201-208.
17. **Beaton M. C.** Death of a Dentist [Электронный ресурс] // *Corpus of Contemporary American English*. URL: <http://corpus.byu.edu/coca/x4.asp?t=4090294&ID=645545063> (дата обращения: 10.02.2015).
18. **Bem S.** Sex Role Adaptability: One Consequence of Psychological Androgyny // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1975. No. 42. P. 155-162.
19. **Black Sh.** The Long Kiss Goodnight [Электронный ресурс] // *Corpus of Contemporary American English*. URL: <http://corpus.byu.edu/coca/x4.asp?t=4026443&ID=460492284> (дата обращения: 05.08.2014).
20. **Bova B.** New Frontiers: A Collection of Tales About the Past, the Present, and the Future [Электронный ресурс] // *Corpus of Contemporary American English*. URL: <http://corpus.byu.edu/coca/x4.asp?t=1013906&ID=404486470> (дата обращения: 05.08.2014).
21. **Grayson J., Ferguson K.** Puncher's Chance [Электронный ресурс] // *Analog. Science Fiction and Fact*. URL: <http://www.analogsf.com/0606/punchers.shtml> (дата обращения: 17.07.2015).
22. **Love K.** Devilishly Sexy. Kensington books. N.Y.: Kensington Publishing Corp., 2012. 320 p.
23. **Martin W.** City of Dreams. N.Y.: A Forge Book, published by Tom Doherty Associates, LLC, 2010. 447 p.
24. **Mathieu N.** Sexual, Sexed, and Sex-Class Identities: Three Ways of Conceptualizing the Relationship between Sex and Gender // *Sex in Question: French Materialist Feminism* / ed. by D. Leonard and L. Adkins. London: Taylor and Francis e-Library, 2005. P. 43-72.
25. **Patterson J., Paetro M.** 11th Hour [Электронный ресурс] // *Corpus of Contemporary American English*. URL: <http://corpus.byu.edu/coca/x4.asp?t=4120115&ID=664111194> (дата обращения: 10.02.2015).
26. **Santora N.** Fifteen Digits [Электронный ресурс] // *Corpus of Contemporary American English*. URL: <http://corpus.byu.edu/coca/x4.asp?t=4120225&ID=663658108> (дата обращения: 07.09.2013).
27. **Tajfel H.** Social Identity and Intergroup Behavior. *Social Science Information* // *Information sur les Sciences Sociales*. 1974. No. 13 (2). P. 65-93.

THE GENDER ASPECT OF SPEECH BEHAVIOR STUDY

Топка Larisa Vladimirovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Eurasian Linguistic University (Branch) of Moscow State Linguistic University in Irkutsk
lavtop@list.ru

The article examines the issue of the study of stereotyping of the means of linguistic expression of gender-conditioned speech behavior. The phenomenon of androgynous behavior, which correlates with the status and role parameters of the participants of the communicative interaction, giving them the advantage while choosing the manner of acting to master a broad spectrum of social roles exercised by them, is touched upon.

Key words and phrases: gender; stereotyping; androgyny; categoricity; noncategoricity; speech behavior.